

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

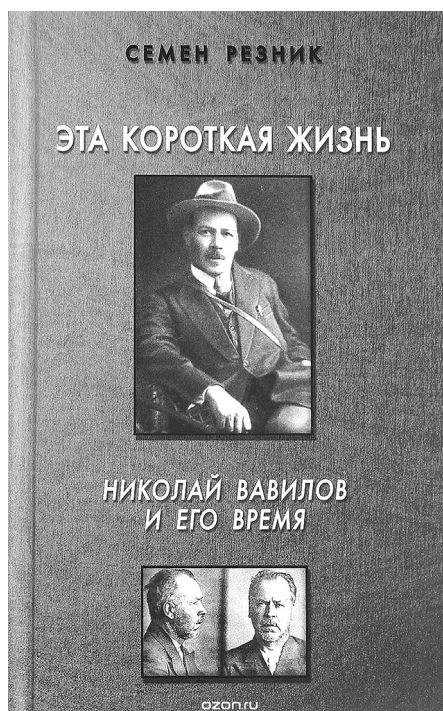
DOI 10.24411/2076-8176-2018-11960

Возвращаясь на грабли своя (размышления над книгой)¹

ОЛЬГА В. МАКСИМОВА

В 1969 году, когда книга «Николай Вавилов» из серии ЖЗЛ появилась в нашей семье, мне было 15 лет. Я знала, кто такой Вавилов: с ним работали мои дед и бабушка, Николай Александрович Максимов и София Викторовна Тагеева. Бабушка всю жизнь гордилась тем, что её первую статью в печать подписал именно Николай Иванович. Знала я и о том, что он был репрессирован и погиб. Меня это не удивляло: мой второй дед Сергей Антонович Вильдонов, чекист и разведчик, был арестован и в октябре 1938 года расстрелян. Моя вторая бабушка, Мария Петровна Введенская, не единожды рассказывала мне и об аресте деда Сергея, и о своём стоянии в бесконечных очередях в тюрьму с передачами (Ахматова описала это за всех них, стоявших), и о том, как много лет спустя (в 1956 году) они с мамой узнали о гибели деда, а сам он был посмертно реабилитирован.

Фамилию автора — Резник — я запомнила. Тогда для меня главным в книге было то, что в ней неоднократно упоминался мой дед Максимов в контексте противостояния Лысенко. Наверное, не было имени, которое произносилось в нашей семье с таким презрением, что я с детства усвоила, что это слово на букву «Л» — неприличное. В книге о Вавилове

¹ Резник С. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1056 с.

не хватало окончания: рассказа о гибели Н.И. Но даже мне, школьнице, было очевидно, что тогда полная информация о конце жизни Вавилова не могла быть опубликована.

В годы перестройки вышли книги других авторов и о Вавилове, и других жертвах лысенковщины. Я с некоторым снобистским удивлением наблюдала, как мои ровесники с головой погружаются в хлынувший на свободу поток ранее запрещённой литературы и — что меня, собственно, и удивляло — находят в нём массу новой информации. Мне казалось, что уже ничего *принципиально* нового я не узнаю: «Иван Денисович», «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» были прочитаны ещё в школе и студенчестве. И, честно говоря, сама тематика тяжкого репрессивного ужаса, которым так долго болела моя страна, стала восприниматься как страшный, но уже немного поднадоевший урок истории. Потому что очевидно же было, что всё это в прошлом, что практически вся информация открыта: читай — не хочу, да учись на ошибках прошлого. То, что читать хотят совсем не все, а на ошибках прошлого не учится никто, мне тогда в голову не приходило.

Появился интернет, стали доступны разнообразные «зарубежные вольности», среди них — книга «Дорога на эшафот», где, наконец, была представлена полная информация о последних днях Вавилова, которой так не хватало в книге из серии ЖЗЛ. Увидев фамилию автора, я порадовалась, что С.Е. Резник жив и здоров и смог опубликовать свой труд, хотя уже в США. Много лет я больше не обращалась к этой теме, пока во второй половине ноября 2012 г., примерно за две недели до своей смерти, мой отец, профессор биофака МГУ Виктор Николаевич Максимов, не передал мне рукопись деда, которую тот написал летом 1933 г., будучи в заключении по обвинению в членстве в мифической Трудовой крестьянской партии.

Теперь у меня практически полное собрание сочинений Семёна Ефимовича. И книги эти — замечательны. Но уверена, что главное его детище — «Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время», которую Резник представил читающей публике в «вавилонских» городах: Москве, Саратове и Санкт-Петербурге, где в прошлом году отмечалось 130-летие со дня рождения великого учёного. Эта книга — *подвиг* писателя и историка Резника. Кто-то сказал, что полноценную биографию исторической личности может написать только тот, кто соразмерен этой личности, чей профессиональный масштаб не меньше, чем масштаб героя в его профессии. Это как раз такой пример.

Это не рецензия на книгу в обычном смысле слова. Я — не литературовед, не историк науки, я — просто читатель. Книгу я прочитала за три дня, не отрываясь. Это — тяжёлое чтение. И необычайно увлекательное. Текст затягивает вас внутрь, почти под обложку, и вы, выныривая, с удивлением обнаруживаете себя в нынешнем времени. Читая, я поняла, что многого я на самом деле не знала ни о лысенковщине, ни о культе личности... И не столько потому, что я узнала новые факты, сколько благодаря мастерству автора, сумевшего подать материал так, что книгу невозможно читать не то что равнодушно, но и просто спокойно. Книга написана местами почти бесстрастно, местами — иронично, местами — зло, местами — с пронзительной любовью. И везде — базируясь на скрупулёзно проверенных фактах. За три дня, проведённых с Вавиловым, я неоднократно вспоминала, что «знания умножают скорбь», но закрыть и отложить книгу, чтобы *не знать* — не могла.

Совершенным открытием для меня и моих друзей стало описание начала жизни Н.И., его учёбы, его первых путешествий. И его характера. Неукротимого, бесстрашного, рискованного — и при этом сцементированного уникальной внутренней дисциплиной, целеустремлённостью, преданностью науке, фантастической работоспособно-

стью. Это — качества гения. Каковым Н.И. и был. Гений (особенно осознающий себя таковым) часто жесток в своей требовательности к окружающим. Но со страниц книги на нас смотрит совершенно другой типаж: да, требовательный, временами строгий, но никогда — деспот, никогда — эгоист. Любящий, всегда готовый помочь, весёлый, легкий в общении. И с сотрудниками — никогда «забронзовевший» божок, никогда — диктатор, а именно — старший *со-трудник*. Поэтому его так любили. Поэтому его гибель стала такой *личной* утратой для всех, кто его знал. Поэтому мы, не знавшие его, читаем о нём с таким ощущением, как будто — знали, как будто — это *у нас* его отняли. И ведь так и есть: его отняли у всех нас, у нашей страны, у всего нашего мира.

Не от этой ли любви сотрудников ВИРа к своему директору, не от этой ли преданности — ему и его делу, преданности сердечной, рождённой не страхом, не принуждением, а взаимной искренностью сотрудничества, не отсюда ли — самый великий подвиг Великой Отечественной, подвиг, до сих пор до конца не осознанный и не оценённый? Ценой своей жизни, и ещё страшнее — жизни своих близких, вировцы в блокадном Ленинграде сохранили вавилонскую коллекцию семян и картофеля. Вавилонские ученики и соратники погибали от голода — но дело своего арестованного руководителя спасли². Не знаю подвига выше.

Наверное, для нашего времени, отнюдь не только для России, но и для многих стран, погружающихся в извращённо трактуемый патриотизм, самое важное, что есть в личности Н.И. — это его природный, естественный интернационализм. Не тот, идеологически навязанный, «пролетарский», а настоящий, приобретаемый вместе с культурой, как её неотъемлемая часть. Когда любовь к родине — это любовь к родной части всего мира, а *не ненависть* к остальным его частям. Когда знание языков — насущная необходимость, кардинально расширяющая кругозор. Когда знание и своей, и «чужой» литературы, истории, живописи, музыки, архитектуры, географии — не просто «складирование» в некий внутренний загогуляк престижных ценностей, а тщательно подобранный багаж, без которого невозможно осваивать этот мир. Для Вавилова весь мир был — его вотчиной, его лабораторией, его школой, его приключением. Его делом. И преданная любовь к России — была любовью к огромной части этого прекрасного маленького мира. Символично, что в русском языке слово «преданный» имеет два значения — как будто специально для Н.И.

С.Е. Резник выводит в книге целую когорту людей, соприкасавшихся с Вавиловым. Видно, как он при этом борется с собой, заставляя себя посвятить каждому всего по несколько страниц, хотя ясно, что ему очень бы хотелось про каждого из них написать если не книгу, то хоть бы брошюру. И эти «боковые веточки» сплетаются в самоценный живой пласт.

Не буду ничего писать про мучительные страницы, на которых — арест, протоколы допросов, унижение гения, глумление власти и её ничтожных подручных и — смерть. Скажу только, что, дочитав книгу Резника, нашла в интернете и перечитала рассказ Михаила Веллера, очень понятный по мощной физиологической потребности совершить хотя бы воображаемое правосудие. И я ещё раз вместе с майором Звягиным убила Хвата³. И в очередной раз подумала, что Веллер со Звягиным — всё-таки «гнилые интеллигенты», а я бы, внучка своих дедов, *не так* убивала бы эту сволочь.

²См. http://www.alexandra-goryashko.net/goryashko_articles/goryashko_xraniteli_vechnosti.pdf

³ Веллер М. Приключения майора Звягина // <http://knigosite.org/library/read/67017> (дата обращения: 11.03.2018).

Нельзя промолчать о последней, седьмой части, озаглавленной «Брат Сергей». Семён Ефимович говорил, что сомневался, включать ли её в книгу. И — включил. Чем поднял свой труд на невероятную — античную — трагическую высоту.

Резник проводит «сравнительный анализ» личностей и судеб братьев Вавиловых. Очень разные: «Николай Вавилов по натуре был *деятель*, Сергей — *созерцатель*»⁴. Экстраверт и интроверт. Очень похожие — одержимостью наукой. Первый выбрал самую живую дисциплину: растения, первичные продуценты, основа всей земной жизни. Второй — изучал люминисценцию, *холодный свет*.

Недавно вышли из печати дневники Сергея Ивановича. Выдержки из них приводит Резник. Понятно, почему сын, Виктор Сергеевич, не разрешал их публиковать при своей жизни. Для нормального человека — невыносимо выставить на всеобщее обозрение многолетние муки отца. Муки тайные, глубоко спрятанные, жестокие — при внешнем *исключительном* благополучии.

Президент Академии наук СССР. Выше — только Политбюро и Сталин. Даже министры не все на том же уровне, многие пожиже. Есть — всё, что только может вообразить себе обыватель: квартира-машина-дача... Санатории. Пайки. Почёт. Радио. Газеты. Всенародная любовь.

Нет такой малости: *свободы*. Вообще нет. Даже свободы покончить с собой, потому что на твоё место может прийти, например, А.Я. Вышинский. А за тобой, не фигурально, а совершенно реально — люди: семья и сотрудники. Академия. Изнасилованная, прореженная, униженная, но — ещё живая. За твоей спиной. Пока ты жив.

Я не знаю, что было бы, если бы братьям Вавиловым предложили выбор: кому — вот эта судьба, Николая, а кому — вот такая, как у Сергея. Думаю, что оба выбрали бы первый вариант. Потому что у Николая Ивановича убили только тело (хотя — что мы знаем о страданиях его души и разума...), а у Сергея Ивановича — выжгли на медленном, иезуитском огне не только душу (её, может, и нет вовсе), но саму его *личность*.

Он умер за два месяца до своего 60-летия. Пережил брата на 8 лет — ровно, без одного дня. Он всего двух лет не дожил до 5 марта 1953 года. Он был выдающийся физик. Он был великий мученик.

Система убила обоих. Система нивелировки и уравниловки. Тупости и невежества. Лжи и лицемерия. Страх и предательства. Зависти и ненависти. Вот это вот: «Мы университетов не кончали!» (с гордостью). «А ещё шляпу надел!» (с презрением). «Ну, ты, четырёхглазый!» (это носящему очки). «Если вы такие умные, то почему такие бедные?» Самая презрительная кличка нынешней эпохи: «ботан». Ботаник, то есть. Николай Вавилов был ботаник. И носил шляпу. И университет окончил, потому что выучившая его Петровская академия теперь — Московский сельскохозяйственный университет.

Судьба братьев Вавиловых могла бы стать сюжетом художественного фильма. Неотвратимость гибели таланта в тоталитарном государстве — чем не тема? Что-то похожее было недавно показано в фильме «Игра в имитацию» на примере судьбы гениального Алана Тьюринга, взломавшего код фашистской шифровальной машины «Энигма» и тем самым спасшего тысячи жизней, а затем родной Великобританией затравленного до самоубийства. Но Тьюринга всё-таки не держали в тюрьме, не пытали голодом. Его «просто» травили и унижали. Трагедия Вавиловых страшнее и масштабнее. И требует такого мастерства и *понимания* материала от сценариста, режиссёра и актёров, что —

⁴ Резник С. Эта короткая жизнь. С. 931.

где ж их взять? Нет личностей такого масштаба ни в Голливуде, ни на Мосфильме. На роль Лысенко можно найти исполнителя, а вот на роли Вавиловых — вряд ли...

Карикатурный, страшенький, но упёртый и амбициозный невежда «из народа» в тандеме с циничным демагогом И.И. Презентом смогли собрать вокруг себя целое сообщество раболепной серости — очень «политически грамотной». Листая стенограмму Августовской сессии ВАСХНИЛ, практически на каждой странице натыкаешься на такие цитаты: «“Субстрат филогенеза” — метафизическое и схоластическое понятие. По сути дела, это лишь другое выражение вейсманистского “вещества наследственности”, повторение старых, давно разоблаченных у нас реакционных идей о “генофонде”, с которыми носились у нас представители формальной генетики»⁵. То есть учение о генофонде — не просто неверное, оно — реакционное и разоблачённое, причём «у нас», а значит — вражеское, *политически вредное*. И его апологеты — враги. А как известно, если враг не сдаётся, то его уничтожают. Вот так и велись «научные дискуссии», и «врагов» — таки да — уничтожали.

В книге Резника я впервые — для себя — нашла документальное подтверждение того, что Лысенко *был* доносчиком на Вавилова. На нашем Ученом Совете прозвучало, что сам Лысенко доноса не писал, что хоть в этом он не грешен. Я ответила, что не надо было писать именно донос, вполне достаточно было погромных статей в «Правде». Но и прямой донос — был: Лысенко поставил свою поддерживающую резолюцию на доносе Презента (1939), в котором есть такие слова: «...хору капиталистических шавок от генетики в последнее время начали подпевать и наши отечественные морганисты. Вавилов в ряде публичных выступлений заявляет, что “мы пойдём на костёр”, изображая дело так, будто бы в нашей стране возрождены времена Галилея»⁶. Перепутал, конечно, доносчик Галилео Галилея с Джордано Бруно, но суть очевидна.

У учёных не было *такого* арсенала «научной» борьбы. Учёные — они же как дети: думают, что не только они, но и оппоненты играют *по правилам*: оперируют экспериментальными данными, достоверными доказательствами, проверенными фактами. И теряются перед лицом откровенной демагогии и хамства (см.: В.М. Шукшин «Срезал»). Хочется верить, что тот же Животовский *искренне* недоумевает, спрашивая: если Лысенко не был *настоящим учёным*, то как же он мог на протяжении десятилетий быть официальным лидером советской биологии, занимать такие высокие должности? Инфантильная наивность престарелого доктора наук, много лет обитавшего в США... Как будто нет примеров того, как в лидерах оказываются совсем не самые умные, знающие и честные. Не говоря уже — не самые добрые, милосердные и справедливые.

Власть видела в Лысенко «социально близкого», он не просто умел говорить с ней на понятном ей языке, — он сам *никаким другим языком не владел*. Он обещал простые и быстро достижимые вещи. И недоучившемуся семинаристу был *понятен* — и очевидно неопасен. А Николай Вавилов был для этих дорвавшихся до власти «кухарок», не кончавших университетов, слишком умным, непонятым, а всё непонятое — опасно. «Они хотят свою учёность показать и поэтому говорят о непонятном», а это раздражает, злит. По гениальному определению Стругацких, они «желают странного». Нет бы как все: желать бабла, власти и безнаказанности. Поэтому тревожно с ними, с умными. Неясно, чего от них ждать. И случайная встреча в кремлёвском коридоре,

⁵ Митин М.Б. Речь // О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. М.: Огиз-Сельхозгиз, 1948. С. 335.

⁶ Резник С. Эта короткая жизнь. С. 831–832.

неожиданная и потому испугавшая Сталина, вполне могла предопределить судьбу великого учёного⁷.

Что может быть вожаденней для тирана, чем убить такого умника, потом взять его брата, согнуть в бараний рог — и одарить всеми мыслимыми наградами и постами. И наблюдать, как он корчится, как, ненавидя, кланяется и благодарит... Для такого развлечения годятся все — и «всесоюзный староста», и ещё не уничтоженные соратники, а уж сломать, унижить и вынудить играть по своим правилам Президента Академии наук — эксклюзивное блаженство...

Грустная российская (да и вообще человеческая) традиция: периодически наступать на опробованные отцами и дедами грабли. В книжных магазинах продают календари со Сталиным. «Литературка» печатает статьи в защиту лысенковщины. Выходят книги, клеймящие генетику, «продажную девку империализма» — на полном пещерном серьёзе.

Когда говорят, что Н.И. Вавилов погиб за свою науку, я вспоминаю страстные и шокирующие слова бесстрашного Владимира Павловича Эфроимсона: «Он не погиб. Он — сдох! ... Великий учёный, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в саратовской тюрьме... пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей — никто из нас не застрахован от повторения пройденного» (курсив мой. — О.В.М).

Returning to the Same Rake (Reflections on the Book)

OLGA V. MAXIMOVA

A very subjective review on the Semion Reznik's book "Such a short life. Nikolay Vavilov and his time" (2017) based on the shocking impression. The tragedy of both brothers — genius of botany, biogeography and genetics, Nikolay, and outstanding physicist, Sergey, their life and death histories — so different and so identical under the ideological pressure in totally non-free country, — that's what forces a reader to compare those and these times. We have a frightening opportunity to repeat our not so ancient horror because we don't want not only to learn the historical lessons but even to make some effort to receive and comprehend this information. Reznik's book is a brilliant example of documentary literature which affects a reader just as the best fiction.

⁷Там же. С. 55.